

КРОКОДИЛ

Москва. Апрель 1933 г.

№ 11-(12)

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЦЕНА НОМЕРА 60 КОП.

К 556

12.

ЗАБОТЛИВЫЙ СЕКРЕТАРЬ

(Возможно, что и в колхозе „Искра“)

Рис. А. Толликова (Тема В. Лебедева-Кумачева)

Толликов

— Скорей бы уже просыхало, что ли... Любопытно все-таки посмотреть, как у них там с весенним севом...

ЧИТАЯ РОМАН

В романе уж не так чтобы старинном
(Хотя наш год — как десять прежних лет!)
Написанный любовно и картинно
Я вычитал девический портрет.

Вот би, — портрет красавицы недавней,
„Ей вечер больше шел, чем яркий день.
Изящная и хрупкая была в ней
Усталость и движений мягких лень.

Как зябкий и беспомощный ребенок,
Она платок набрасывала вдруг.
И профиль был так нежен и так тонок,
И так легки касанья тонких рук!

В глазах, всегда слегка как будто сонных,
Как в озере, где дна не увидать, —
Богатство чувств и мыслей затаенных
Порою можно было угадать.

Некрупный лоб и матовый и гладкий
Густых волос венчала теплота,
И чистота сквозила в каждой складке,
И страсть была в капризной складке рта.

Поджавши ноги, в уголке дивана
Она могла часами звать мечту...
Так автор пухловатого романа
Описывал девичью красоту.

Я отложил роман, твердивший „ятью“
Что мы — ОНИ и женщины — ОНЕ,
И образ захотел расшифровать я,
Так ласково преподнесенный мне.

Я сбросил лирику — и что же оказа-
лось?

Из-под пушисто-теплого платка
Мелькнула барская дремота и уста-
лость,

Безделье, лень и сытая тоска.

За вязью строк изысканно-лиричных
Я увидел типичный силуэт
К работе непривычной, анемичной,
Никчемной барышни прошедших лет.

Налет эротики ласкающий и тонкий
Давал понять любителям „мечты“,
Что глазное в „беспомощном ребенке“ —
Наличие столь ценной „чистоты“.

И сон и лень — все плюсы! А к тому же
Отмечена особенно черта
Для будущего холеного мужа:
— „И страсть была в капризной складке рта“...

И я подумал: „Вот, в десятке строчек
Зияет пропась: нынче и вчера.
А ведь роман не так чтоб старый очень
И сделан тонким мастером пера“.

Но в свете нашей молодой культуры,
Перевернувшей дыбом старый свет,
Звучит сильней любой карикатуры
Вот этот вот девический портрет.

Мы тоже пишем пьесы и романы,
И помним о любви и о весне.
Но строить жизнь, водить самолеты
У нас умеют прежние „оне“.

Кидая взоры с высоты надземной,
Подруги наши обгоняют птиц,
И нашим девушкам смешон полуга-
ремный
Ленивый образ млеющих девиц.

На фабрике, в колхозе, на рабфаке
Им некогда „часами звать мечту“,
И не оценят принцы в модном фраке
Их смелую, простую красоту.

В них кровь кипит и молодо и бурно,
Их смех и шутки — звонки, как кар-
течь.

Они сжились с костюмом физкультур-
ным,
Не надо им платков для крепких плеч.

Их взор не спит. И телом загорелым
Они крепки, как их родивший класс.
И не отыщешь больше в мире в це-
лом

Таких улыбок, как у нас.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Рис. М. Храмковского (тема М. Глушкова)

Продукция подобных хозяйств при
заводах нередко потребляется на ме-
сте, не доходя до ЗРК.

— Но, но! Не до дня — оставь немного нашему дорого-
му заводу!

НУЖНЫЕ ЛЮДИ

Вскоре выяснилось, что банк не дает нам денег...

Впрочем, лучше начать не с этого, а с начала. Месяца три назад я зашел в какое-то учреждение. Зашел я туда по ошибке и, осознав ее, быстро повернулся к выходу. Но в этот момент из недр неизвестного мне учреждения прозвучал удивленно радостный голос:

— Постой, куда ж ты? Вот молодец, что пришел; нам как раз нужны люди! Иван Михалыч, его непременно надо у нас использовать!

— Меня? — спросил я.
— Ну, а кого же, чудак? Обязательно надо! Часика два в день сможешь нам уделять?.. Пиши заявление... Иван Михалыч, на орг.-плановый его, правда?

— Не возражаю, — согласился Иван Михалыч. — С работой, надеюсь, справитесь? Присаживайтесь, товарищ...

Первый голос подсказал:
— Клавдиев!
— Очень приятно. Пишите, товарищ Клавдиев, заявление.

Я написал, подал и со свойственной мне добросовестностью чистосердечно заявил:
— Но только я не Клавдиев. Краснухин моя фамилия. А, между прочим, какая ставка?

— Триста, я думаю... — нерешительно сказал Иван Михалыч. — Ну, триста двадцать пять.

— Четыреста, — сказал я, — или посылайте за Клавдиевым. А я Краснухин. Пора, товарищи, кончать с уравниловкой!

Возражений не последовало.

Наше учреждение числилось еще совсем молодым, находящимся в организационном периоде, но оно, надо сказать, обнаруживало способности к быстрому росту. Это чепуха, будто нехватает людей! Мы постепенно включили в штаты несколько посетителей, заходивших поболтать со знакомыми сотрудниками.

затем — шесть девушек, ищущих пристанища (две пришли с моими записками, а об остальных было говорено по телефону), затем — мрачного человека, назвавшего себя литератором, затем — еще каких-то одиннадцать или двенадцать нужных людей... А после этого зав. административным сектором сказал:

— Но фактически как же все-таки быть? Ведь комнат у нас только две. Как хочешь, Иван Михалыч, но тут нужен выход из положения!

Иван Михалыч пожал плечами. А я предложил:

— Очень просто! Разобьем сотрудников на две группы, и пусть они приходят по очереди: сегодня — одна группа, завтра — другая. Зачем нам все сразу? На всех и работы на напасешься.

— Не возражаю, — согласился Иван Михалыч.

После этого в штат был принят только один еще человек — иностранец. Русского языка он не знал, а иностранными не владел, но вреда от него в общем не было.

А вскоре после этого нам вдруг задержали выдачу зарплаты. Тогда многие сотрудники заскучили и начали беспокоить Иван Михалыча. Но что было делать Ивану Михалычу? Он разводил руками и говорил:

— Понимаю. Но банк не дает денег. Банк! Что же я-то могу? Ну, трудности... Ну, надо перетерпеть трудности. Ведь и святые терпелифу!.. Ведь я же и сам терплю!

Сотрудники втихомолку отзывались о банке без уважения, но терпели. Но тут вдруг стали наглеть шесть девушек, искавших пристанища.

Вначале они интересовались исключительно вопросами паспортизации. Но после трехнедельной задержки зарплаты их обуяло корыстное шкурничество, и они скопом заявили:

— На один паспорт не проживешь. Подумаешь, какая Америка: банк не платит! Не

имеет права!.. Пускай бы в Америку ехал, да там бы и не платил!

— Неизвестно, до чего бы дошла ихняя контра, но в это время у нас в учреждении организовалась ячейка (принимали в штаты не только ведь беспартийных). И вот, ячейка поговорила с шестью осатаневшими девушками, а затем пригласила главбуха и спросила:
— А почему же в самом деле банк не дает денег?

Тогда главбух пощелкал на счетах и сказал:
— Вот, видите ли... Штаты нам утверждены в сорок шесть единиц, а мы пригласили восемьдесят девять. Фонд зарплаты у нас имелся в размере одиннадцати тысяч рублей на месяц, а мы к пятнадцатому февраля израсходовали тридцать три, т.е. за весь квартал. И вот-с, наших денег в банке нет, а чужих, извиняюсь, он нам не может давать. Такого права у банка нету, простите!..

Рассказываю я, конечно, о прошедшем времени. Сейчас же у нас уже нет Ивана Михалыча и нет прежнего человека адм. сектором. Сохранен мрачный человек, назвавшийся литератором, уничтожены семнадцать из девятнадцати зачисленных в штат посетителей, а из шести девушек, искавших пристанища, осталась только одна. Кроме того, отпал безвредный иностранец: он оказался не иностранцем, а глухонемым, по близорукости принявшим наше учреждение за страхассу. Кроме того, меня перекалывали в делопроизводителе и перевели с оклада в четыреста рублей на жалованье в сто пятнадцать.

И, вообще, теперь все в порядке. Жалованье, правда, небольшое, но выплачивают его в срок. Банк деньги дает. Все хорошо.

Одно плохо: уже разгласилось, что платят у нас в срок. И опять начинают заходить к нам девушки, ищущие пристанища, и лица, имеющие себя литераторами... Опасаюсь!

ГРАМЕН

ЩИТОК

(Из цикла „Ближайшее будущее“)

ОТ АВТОРА: Среди неустанный заклеймения и сатирической трели негодного отрядно иногда помусолить факты и личности чисто положительного и назидательного свойства. В порядке, так сказать, разнообразия и освежения.

В цикле „Ближайшее будущее“ автор и намеревается показать ряд таких образцово-нравоучительных людей и случаев.

Почему автор увлекся не настоящим, а будущим? На этот вопрос ответить легко. Середина сороковых годов дает более обильный материал для размышлений, для сравнения с настоящим. Интересно, знаете ли, в 1933 году читать про 1936 год. Вот поэтому и взял.

До апреля 1936 года Петр Васильевич Федюнин жил густопсовым обывателем.

Но его обывательская идеология незримо подтачивалась революцией, как весенний лед солнышком. Гражданские чувства и общественные порывы уже зрели в его непротертном обывательском организме.

Шестого апреля (исторический день) Петр Васильевич лежал, разувшись, после обеда на кушетке и смотрел сосредоточенно на свою голландскую печку.

„Переложить придется дурицу, — мечтал Федюнин, — сколько дров зря сожрала за зиму!“

Печка действительно жрала топливо бессмысленно. Даже по мысли ее голландского автора, родившегося в конце XVI столетия, она должна была использовать только третью часть всего тепла, получаемого из дров. Но и третьей частью не пахло. Пахло десятой, не больше. Печка палила зря, на ветер.

Размышляя о печном идиотизме, Петр Васильевич незаметно для себя перешел к вопросу об общем значении этого вопроса.

„Из-за глупых прожорливых печей приходится заготавливать лишние миллионы кубометров леса, перевозить их!“

А ведь где-то я совсем недавно читал об изобретении в Самаре нового отопительного щитка.. Занимает вдвое меньше места и дает вдвое больше тепла. Вот бы переложить печку на такой щиток! Да не у меня одного, а по всей стране!“

И миллионные цифры экономии загудели в голове Петра Васильевича, как в трубе с хорошей тягой.

„Искать чертеж щитка все равно надо для себя, — займусь этим, кстати, и для общей пользы: может, премию получу. Пускай все перекладывают печки!“

Таким образом интерес отдельной личности совпал с интересом общественным и приобрел оттого несокрушимую мощь и энергию

К осени Петр Васильевич переложил свою печку на щиток, убедился в его отличных качествах и двинул дело в общесоюзном масштабе.

Вопрос был поставлен во всю широту.

На улицах были выставлены разноцветные модели. Телевизоры показывали их на радиолюбительских экранах. Самолеты и дирижабли растаскивали модель по самой отдаленной периферии

На тему о преимуществах новой отопительной системы были написаны три оперы, две симфонии и восемьсот двадцать три романа и драмы, не считая частушек и балета.

К зимнему отопительному сезону было переложено 97 процентов всех печей-дуриц. Три процента невыполнения падало на оппортунизм, самотек, период отпусков и пр.

Настало, наконец, время ликования и подъема чувств. Грандиозная экономия в лесосеках / волновала восторженные массы.

Тов. Федюнина носили на руках в буквальном и переносном смысле этого слова. Ему было пожаловано звание заслуженного деятеля печных искусств. Путевки, ордера и почетные грамоты шли конвейером. Няньки и руководительницы детских садов указывали пальцами на Петра Васильевича.

— Вон, детки, идет Федюнин, тот самый, который..

И всюду Петру Васильевичу оказывались почет и уважение. В метрополитене он садился без очереди. На самолетных линиях пользовался скидкой в 15 процентов.

На этом повествование, пожалуй, можно и закончить.

Чего же еще? Герой награжден и возвышен. Добродетель восторжествовала. Мораль и тезисы ясной ясны.

Теперь дело за обывателишками. Пускай они пошевеливаются. Будем надеяться, что рассказанная история воздействует на их окаянное чувство.

Скептики, конечно, возразят:

— И зачем нам нужно лезть в 1936 год? Такая история могла случиться и в наши дни.

На эту вылазку мы можем спокойно ответить:

— Да, могла, но, однако, пока не случилась. Щиток, правда, в Самаре изобретен, но никто ничего про него не знает, и дровозаготовки на 1933/34 г. придется пока производить по прежнему плану.

Федюнин как гражданин еще не возник, товарищи!

Б. САМСОНОВ.

Фотомонтаж Б. Клинича
(Тема К. Елисеева и В. Лебедева-Кумача).

Нужно 3500 вагонов, чтоб очистить Макеевский завод от мусора.

Навозну нучу разрывал,
Петух нашел Макеевский завод

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

АРИЯ ИЗ-ЗА КУСТОВ

Член нового рейхстага социал-демократ Шмидт дрожащими руками написал и на серебряном подносике подал в президиум грустную записку:

„Я сдаю свой мандат, ибо не хочу больше бороться за потерянное дело.“

И действительно, стоит ли заниматься потерянным делом, когда уже найдено новое: сидеть в кустах и ждать, когда выпорют.

ЭНТУЗИАЗМ НА СПИРТУ

По словам нью-йоркских газет отмена сухого закона сопровождалась в американском парламенте демонстрацией восторга. Депутаты кричали, аплодировали, пожимали друг другу руки. Председателю пришлось прибегнуть к помощи приставов, чтобы восстановить порядок.

По библейскому преданию

Хам тоже очень веселился, когда увидел, что Ной подвыпил. Пришлось ли по этому поводу тоже вызывать при-

ставов, чтобы успокоить бурное веселье, в Библии ничего не сказано. Очень сухая брошюрка. Нью-йоркские газеты — куда подробнее.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ДЛЯ МРАЧНЫХ ВРЕМЕН „СМЕЮЩИЙСЯ“

Американская газета „Бальхоо“ печатает приводимую ниже рекламу:

Smile away the Depression!

Smile us into Prosperity!
MEET A
SMILETTE!

SMILETTE IS THE ONLY CHAMBER OF COMMERCE OF THE REPUBLICAN NATIONAL COMMITTEE

„Улыбайся, депрессии не будет!“

Улыбка, как проблема процветания! Наш „улыбочник“ — это удивительное маленькое приспособление — решает проблему наций!

Сейчас же обращайтесь в министерство торговли или республиканский комитет полиции. Никакого риска быть арестованным за глупый вид!“

Комментарии излишни. Лучшего не придумаешь.

РАДОСТЬ ПОД НОЖОМ

Английский хирург Базиль Худжес

производит свои операции больных под веселую музыку, преимущественно фокстроты. Некоторые больные улыбаются, когда их оперировали.

Собственно говоря, в Англии и некоторые государственные операции уже давно проходят под фокстроты, но от этого и больным не легче и здоровым не весело.

Иллюстрации Д. Мельникова

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ОДЕССЕ

Начал я...

По примеру Бабеля, начал я.

— Реб Арье-Лейб, — сказал я старику, — поговорим о товарище Альтере. Поговорим о лучезарном директоре одесского завода „Красный Профинтерн“. Поговорим о молниеносном его начале и печальном конце. Несколько ответственных теней загромаждают пути моего воображения. Вот близорукий Шихман, он снят и осужден, этот печальный директор завода „Пятилетка“. Желтоватый металлический лом его поступков — разве не выдержит он сравнения с силой Альтера? Много подозрительных звезд зажигалось на голубом приморском небе Одессы, и звезды эти стремительно гасли, точно их обливали холодной водой из трепетной пожарной кишки. Но почему же один Альтер взмошел на вершину стопроцентного выполнения плана по тракторным частям, а все остальные повисли внизу, на шатких ступенях прорывов?

Реб Арье-Лейб молчал. Перед нами расстилалась пестрая суматоха Дерибасовской. Человек, жаждущий ответа, должен запастись терпением. Человеку, обладающему знанием, приличествует важность. Поэтому Арье-Лейб молчал. Наконец он сказал:

— Почему он? Почему не другие, хотите вы знать? Так вот, забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе заботы о посевной кампании. Бросьте ваши очки, загромаждающие нос, и постарайтесь втереть очки другим.

Представьте себе, что вы не молодой человек, не член профсоюза, что вы — старый, реконструированный завод. А директор у вас энергичный товарищ Альтер.

Об чем думает такой директор? Он думает делать из мухи слона, он думает рапортовать красиво, он думает дать по морде всем другим одесским заводам — и ничего больше!

Другие директора размазывают кашу. Кричат о сумасшедших пустяках объективных при-

чин. Они таращат глаза к потолку и жалобно говорят о нехватке металла.

Товарищ Альтер, директор „Красного Профинтерна“, не любит цеголять в рваной одежде прорывов. Пушай в заводских цехах киснет постная ерунда, но в отчетах и рапортах должна красоваться, как длинноногий выпел на пароходе, цифра в сто процентов.

Откуда эти сто процентов, хотите вы знать? Слушайте, если умеете слушать. Призывает товарищ Альтер своих помощников и говорит:

— Товарищи ребята, — говорит Альтер своим помощникам, — работайте спокойнее. Не имейте эту привычку быть нервными на работе. Не имейте эту паскудную привычку портить свое драгоценное здоровье. Если будем волноваться за каждую деталь, — умрем, не поужинав. И вот я вас спрашиваю: сколько стоит поршень, какая цена этой уважаемой детали?

— Четырнадцать рублей! — ответил главный бухгалтер, трепеща от восторга. Он уже понимал, этот мастер балансов, куда направляет директор бешеных коней своего коммерческого воображения.

— А сколько стоит поршневый палец? — спросил товарищ Альтер, и в острых глазах его торжествующе зажглись маяки.

— Четыре... Четыре рубля, — пронесся степным ветром ликующий шопот.

Поднялся товарищ Альтер и стукнул кулаком по письменному столу. И дубовый письменный стол задрожал, как маленькое дите, которому дали по морде. И заплясали толстобрюхие чернильницы на письменном столе, аплодируя директору, как последние подхалимы.

И, поднимая голос до небывалых высот, сказал товарищ Альтер, лучезарный директор завода „Красный Профинтерн“:

— Я вас спрашиваю, кто будет здесь, наконец, за хозяина? Я или не я? Кажется, я. Так вот мое мнение: делайте поршни и не делайте пальцев. К чему нам эти пальцы, когда на них такая смешная цена?

Вы спрашиваете, откуда сто процентов, от-

куда рапорты, благоухающие, точно ранние весенние цветы на бульваре? Они идут, эти жгучие рапорты, не от политики, они сотканы не из волнений за посевную кампанию, они текут эти рапорты из денежной кассы, из фудрых бухгалтерских книг. Если у вас под шляпой не кочан капусты, а предмет, называемый головой, вы поймете, в чем тут дело. Производили дорогостоящие детали, отбрасывая в сторону дешевые, чтоб можно было громко сказать и написать: ура, сто процентов с гаком.

И еще сказал товарищ Альтер, лучезарный директор завода „Красный Профинтерн“, своим ближайшим и верным помощникам:

— Мы живем в Одессе, а в нашей Одессе есть, например, рабкоры, которые вынимают из вас жизнь, как вы вынимаете косточку из финика, есть добрые приятели, которые согласны кушать вас в одежде и без соли, есть вагон неприятностей, тысяча скандалов. Но все же не надо портить себе здоровья. Есть или нет у нас на складах прошлогодние запасные части? Есть! Записаны или нет, известны или нет кому-нибудь эти запасы? Нет! Есть у нас мозги или нет? Есть! Так давайте не толочь воду в ступе, а давайте дело делать. Давайте брать со склада старые детали и выполнять новый план. Вот почему у нас будет сто процентов и мы будем на каланче, а все остальные будут внизу и будут лопаться от зависти.

И сказав свою речь, Арье-Лейб замолчал. Он задумчиво смотрел на тихо угасающий день. Он смотрел, Арье-Лейб на небо, которое прикрывало на ночь свою наготу темной простыней, вытканной горячими южными звездами. И повернувшись ко мне, Арье-Лейб сказал:

— Теперь вы знаете все. Вы знаете, в какой шаткой колыбели родились эти сто процентов. Вы знаете, почему сняли с работы лучезарного директора „Красного Профинтерна“. Вы знаете все. А если вы знаете, почему бы вам об этом не написать?..

Г. РЫКЛИН

ПОД

РАЗВЕСИСТОЙ ШЛЯПОЙ

ТРУДОДНИ СТОРОЖА

В колхозе „Искра“ (Татария) несколько своеобразно поняли задачу охраны общественной собственности.

Из отчета колхоза видно, что ударник вырабатывает 140 трудовых, а сторож — 170.

Остается спросить, кто сторожит трудовни в колхозе „Искра“?

На сторожа здесь надеяться трудно.

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА

Что за странная аномалия? Правление колхоза „Пролетарский труд“ ничего не стоит, а обходится оно колхозу восемь процентов.

Правление колхоза „Пролетарский труд“ (Лутовского

сельсовета, Московской области) приписывает себе трудовни: за 3 часа работы 1 1/2 трудовых.

Раз'ясняем правление колхоза „Пролетарский труд“, что приписывание себе трудовой является трудом, далеко не пролетарским.

ОПЯТЬ О ПОЧТЕ

В Погроменском совхозе из-за отсутствия баббита прекратился ремонт тракторов. Чтобы баббит быстрее попал в совхоз, Зернотрест отправил его почтой. Пересылка баббита на расстояние 240 километров заняла 48 дней.

Хорошо еще, что баббит не отправили телеграфом. Тогда бы он не дошел вообще.

ЕЩЕ О РЕМОНТЕ

— Поросенка не кушали? — Два с полтиной!

— Графин водки не заказывали? — Полтора рубля! — Так писали когда-то счета в провинциальных ресторанах. И примерно так же пишет счета на ремонт инвентаря колхозам Казанская текстильная фабрика.

„Отремонтированная тракторная гильза не работает? — Платите 12 руб. вместо пяти!

— Поршень никуда не годится? — Платите за это вместо 4 рублей — 28 р. 60 к.“

При таких расценках ремонт трактора по казанскому методу обойдется вместо 400 рублей по норме тысячи четыре.

„ЦЫГАН ЧЕРНОЙ МАСТИ“

Правление колхоза „Рекорд“ (Московской области) побило все рекорды отчетности. Делается это так:

Член правления отводит на базар здоровую, упитанную колхозную лошадь и приносит с базара маленькую, чахлую кучку кредиток, завернутую в расписку:

„Я, цыган черной масти, действительно купил лошадь за столько-то“.

И подпись: „Цыган черной масти“.

Надо полагать, что „цыгане черной масти“ тут ни при чем.

Работают же в колхозе блондины, брюнеты и рыжие совсем другой масти: кулацкой.

БУЙНЫЙ ХАРАКТЕР

В колхозе „Труд“, Каширского района, имелся хороший племенной бык. В один прекрасный день быка зарезали, составив замеча-

тельный по краткости акт об этом событии:

„Бык зарезан в виду буйного характера“.

Краткость — вещь полезная, но здесь она неуместна. Непонятно, у кого же буйный характер. У предколхоза или животновода, подписавших приказ об истреблении дорогого животного?

НА СТРАХ ВРАГАМ

Председатель Стародубского сельсовета при напряженном внимании остальных членов сельсовета встал и огласил приговор:

„В виду того, что преступление доказано и жертвы его восьми молодых невинных кроликов, погибших, постановляем в предупреждение другим — виновника злодеяния расстрелять без снисхождения и амнистии“.

Так была произведена беспощадная расправа с преступником, избившим стародубских кроликов, несознательной и социально опасной... кошкой.

Говорят, что на всех кошек района это событие произвело громадное впечатление.

На головах же, наблюдающих за кроликами, вряд ли...

ПРИГЛАШАЕМ ПОЧИСТИТЬСЯ

Хоть чуб его и полysel немного,
 Но все ж кубанку четко отенил.
 Он хмурит брови часто очень строго,
 Но в обращении прост, доступен, мил.

— Учиться? Эва!
 Не трепись, братишка! —
 Так потрясал райком стосильный бас:
 — Я брат и так учен и даже слишком,
 Мы под Каховкой выучились враз!
 Чего ты лезешь с этим диаматом,
 Да я полгода не читал газет!
 А если что — покрою просто матом,
 Четыре с боку — ваших нет!
 Пускай другие на мозги мозоли
 Нарращивают книгой и пером,
 Нутром мы чуяли, за что боролись,
 За что сражаемся учуем мы нутром.
 — Позволь! Но изменилась обстановка!
 Райкомовец бубнит из-под усов,
 — Братишка, брось! — и чуб взерошив ловко,
 Толкнул он дверь, чуть не сломав засов.
 В деревне он „рубает“, что есть силы:
 Вперед! Даешь! — В поту и мыле он.
 Интриги лишь! Ка-Ка ему пришла
 (За что, скажите-ка!) Загибы и уклон.
 Уж он ли не колхоз отгрохал
 (Чуть не наганом контриков загнал!),
 Похвалят, думал, а сказали: — Плохо!
 Ну разве тут интрига не ясна?
 Обобществил последнего куренка,
 Ночей не спал, не ел почти, не пил!
 И вот, пожалуйста, — (Вот чортова сторонка!)
 Ему райком лишь выговор влепил!
 Со всех сторон беда (известно — склака!).
 К приятелю зайдешь, — и тот — варнак,
 Читает, учится без отдыха, без срока:
 Он, вишь, заочный выписал рабфак.
 Под чубом жернова досадных мыслей
 Грохочут, но... на холостом ходу.
 Усы роскошные упадочно повисли,
 А рядом кулаки подкоп ведут.
 Они почаще никнут над газетой,
 Чем этот залихватский чуб,
 Как дышлом, вертят этим „предсоветом“:
 — Он — ничего!
 Он тем хорош, что глуп!
 Эх, чуб! Браги ползучей сапой
 Идут на наши чуткие посты!
 Сними кубанку да закройся шляпой!
 А, впрочем, эта шляпа — ты!

Р. РОЖАН

ПОВЕСТЬ О КОТЛЯРЕНКО И СЕНЕ

В характере управляющего Лабинским отделением Госбанка тов. Котляренко преобладают над остальными следующие черты характера: непоколебимость, твердость и упрямство. Эти три достойных черты оспаривают друг у друга первенство вот в каком состязании.

Управляющий Лабинским отделением Госбанка тов. Котляренко распорядился продать 2 тны, га люцерны, принадлежащей Мейнефти, за долги совхоза, у которого Майнефть была куплена люцерны. Неometry на приказ прокуратуры и распоряжение краевой конторы Госбанка, тов. Котляренко трижды отказался отменить свое распоряжение.

А тем временем сено было продано.

Надеемся, что теперь не менее трех организаций начнут спорить за честь применить оргвыводы по отношению к Котляренко.

О ФАЛЬШИВКАХ КАК ТАКОВЫХ

До сих пор было известно, что фальшивомонетчики селились преимущественно в районе Марьиной рощи. Насколько нам известно, завод ВЭО им. Лепсе находится совсем в другом районе. Но тем не менее (какой конфуз!) этот завод,

чтобы получить лишние средства, прибегнул к представлению банку

фальшивого реестра на получение сумм в пути и, таким образом, получил в Сталинском отделении Госбанка в Москве 800 тны. руб.

Авторы фальшивок, как известно, еще никогда добром не кончали.

Не верите? Спросите у Чемберлена.

КОМБАЙНЫ И КОМБАЙНАЦИИ

Добрими намерениями устлана не только дорога в ад, но и путь из Саратовского завода комбайнов в банк.

Директор саратовского комбайнового завода, чтобы получить внеплановые оруды, выдал обязательство банку реализовать в течение месяца на 800 тны. руб. облигационных фондов. Получив оруды, он от реализации их отказался.

Наш совет: делать побольше комбайнов и поменьше комбайнаций.

НЕ ЖИРНО ЛИ БУДЕТ?

Дети — цветы земли. Мы любим детей, но не любим впадающих в детство.

На Тагилстрое число служащих составляет 43 проц. к числу строительных рабочих при норме в 12—13 проц.

Мы затрудняемся определить точно, в ведении какого наркомата должно находиться это строительство: НКПросали, если это детский сад, или

ЦК Собеза, если это дом призрания.

Но скромно полагаем, что к НКТяжпрому имеет отношение весьма отдаленное.

ПОВЫШАТЕЛИ

Некоторые ретивые администраторы не могут равнодушно слышать слово „повышать“ без того, чтобы не начать сейчас же повышать что попало.

Борисоглебский райисполком (ЦЧО) в лице зампредела Кривенко и секретаря Рошупкиной издал обязательное постановление № 5 о приобретении всеми организациями плакатов Осоавиахима

„в целях популяризации мероприятий по противовоздушной обороне и **ПОВЫШЕНИЮ НЕГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ**“.

Повидимому, образцовый рик подает пример районным организациям: первый повысил неграмотность своего „населения“ — Кривенко и Рошупкиной.

„МЕРТВЫЕ ДУШИ“

На этот раз Гоголь ни при чем: это — сочинение прораба (подпись коего неразборчива) 2-го участка Земжелдорстроя, на Кузнецкстрое. Прораб пошел дальше Гоголя: у него покойники сами получают за себя деньги и собственноручно в этом расписываются.

Вот доказательство:

„ЗЯВКА НА РАСЧЕТ“

Выдать рабочему № в окончательный расчет Цыганову П. Г., сторож уволен с 29/V-32 г. Причина увольнения — смерть. Прораб 2 участка (подпись). Спецдажду сдал (подпись). Библиотеку сдал (подпись). В окончательный расчет 33 р. 60 к. получил Цыганов. 29/VI-32 г.

И покойники на редкость аккуратные: даже спецовку не заматывают, а сдают на девятый день после смерти.

При всем богатстве фантазии невозможно представить себе досаду, с которой неизвестный Павел Иванович Чичиков грызет ногти оттого, что не он прораб 2-го участка: с такими симпатичными покойниками недурной доходец имел бы!

УЖАСЫ СТИЛЯ

Приводим образец стиля, которому никогда не суждено войти в сокровищницу мировой литературы: справку, выданную заводом Владивостокского кварт. бюро.

„Справка“

Квартальное бюро посылает вам для сплотнения г-ну Богославскую для сожительства по 2-й Морской дом № 3.

С такой грамотностью не только заведывать квартирным бюро, а даже заниматься извозным промыслом неудобно: лошади смеяться будут.

ГОРЮЧЕЕ ДЫБОМ

Иногда качество продукции выявляется при совершенно неожиданных обстоятельствах. Так в г. Усолье

„сгорела до тла спичечная фабрика „Вайнал“. От огня уцелела только готовая уже продукция — спички“.

Если бы на такой фабрике вырабатывались горючие вещества, пожар легко было бы потушить бензином и керосином собственного изготовления.

ВСЕ-ТАКИ ПОЛЬЗА

Радиопередачи на полевых работах отличаются скукой и однообразием.

Рис. Л. Генча (тема М. Глушкова)

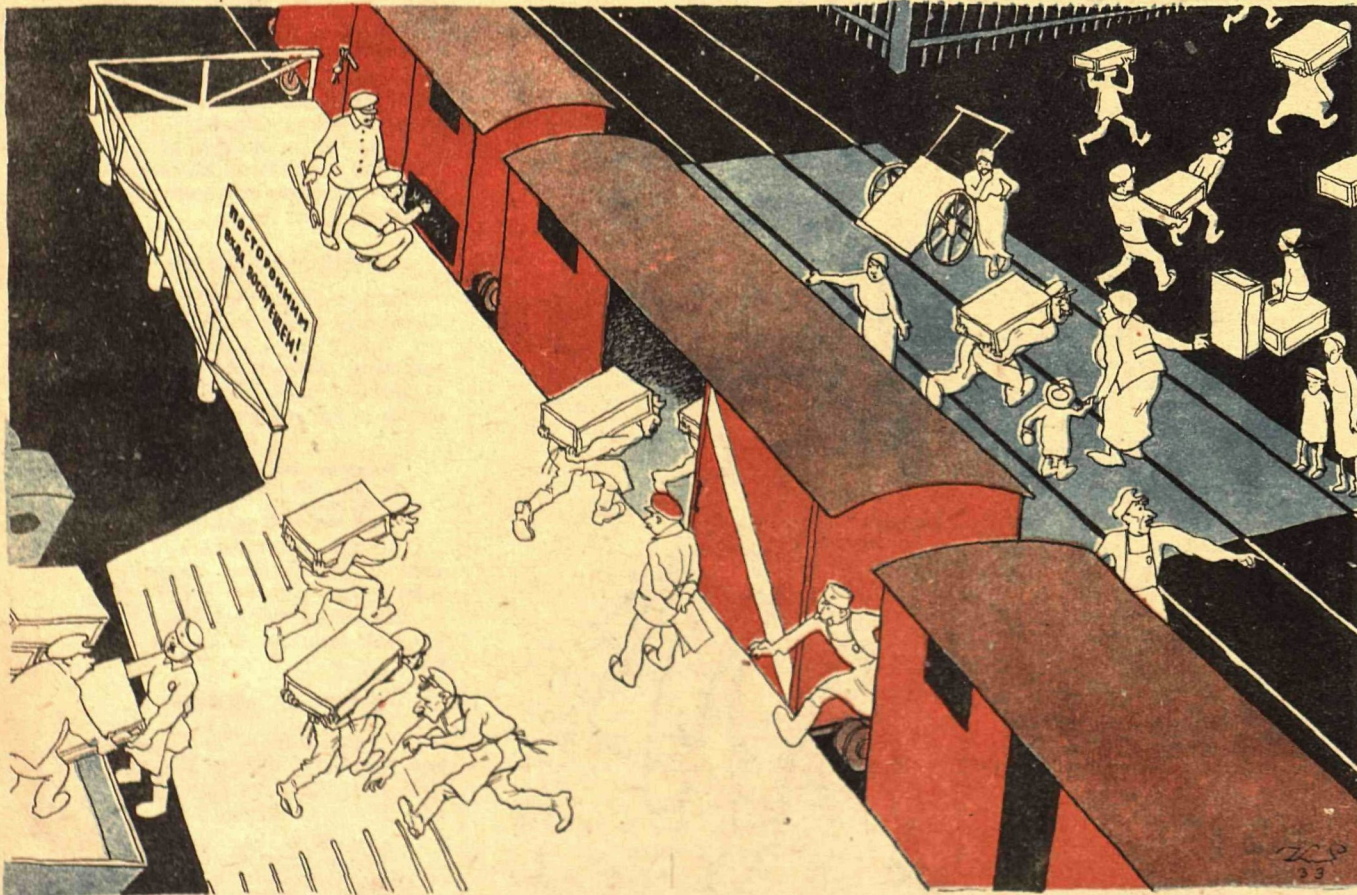
ПРОГУЛЬЩИК! — Ой! Опять что-то художественное.. От такой передачи либо топиться либо работать!

Рис. К. Елисеева (тема М. Глушкова и Вас. Лебедев-Кумача)

— Что из того, что репертуар не готов? Подадим заявление: пусть отложат этот сев недельки на три. Ведь мы как никак — писатели!

Рис. и тема К. Елисеева

Хоть полностью грузы исчезли со склада, —
Вагоны пустые стоят на пути,
Как видно, сумела СИВОЗНАЯ бригада
На ТЯГУ ДВОЙНУЮ давно перейти.

Люди живут и умирают. Государства воюют. Классы борются. История, громкая, как курьерский поезд, мчится, вздымая пыль веков. Все течет, и все меняется.

Но этикетка, красочная, глянцевая, наивная этикетка, по-старому упрощает наши представления.

— Китай? О, это, которые косоглазые, в нанковых шароварах, с веером в руках!..

— Турция? — Феска и кальян.
— Испания? — Кармен. Бой быков. Торреро и Трокадеро.

— Европа? — Берлин и Париж? — Смокинг и кафе „Кис-Кис“. Дамские пальчики в маринаде.

— Америка? — Небоскребы. Статуя свободы. Дядя Сам в полосатом цилиндре и т. д. и т. д.

А помните наши этикетки ТЭЖЭ и Моссельпром?

Здесь уже наметился „классовый“ сдвиг:

Духи „Кармен“ — дитя народа.

Олл джентльмен — драже пролетарское.

Рабоче-крестьянские вафли — фаворитка маркиза.

Пудра „Коти“ — рабкрин.

Помада — тяжелая индустрия.

Наше кино пошло еще дальше. Там этикетка — длиннометражная.

— Что? Просперити? Оф Америка? Это ж плюнуть!.. Иванов, а ну, на носках к Симакову! Закажи небоскребы под Америку. Да скажи ему, пусть фанеры не жалеет. Это ему не макет Тетюшей!.. А вы, тов. Леонидов, вы изображаете богатейшего миллионера, поэтому, пожалуйста, поменьше движений. Миллионеры — они важные. Ихнее дело только в телефон приказывать. Так. Хорошо. И ручкой не надо шевелить. Пусть другие за вас шевелят. Хорошо. Так. А вы кто? Недовольные рабочие? Какие же вы недовольные? Недовольные, а глаза на месте, недовольные, а глаз не выкатываете? А ну, передние, сжимай кулаки! А ну, задние, хором за мной: уолл, уэлл, о кей! Так. Теперь передние... Вам кого, гражданочка? Миллионера? Вы ихняя куртизаночка? Ага! Очень приятно. Переодевайтесь. Все время, гражданочка-куртизаночка, переодевайтесь. Одной ручкой обнимайте, а другой ручкой переодевайтесь. Теперь — крупным планом. Закат глаз. Так. Переодевайтесь. Переодевайтесь! Так. Отлично. Форменная Америка. Что там еще? Другой прокат? Горизонт? Тоже в Америке? Ага. Иванов, живым макаром к Симакову. Скажи ему: еще Америка. Скажи, улицы чтобы — стриты. Уолл, уэк да по-выше... Тов. Баталов, — шляпу и тросточку! Так. Олл джентльмен. Мерси, Моссельпром. Кто там еще? Недовольные? Прохаживайтесь. Сжимайте кулаки. Задние — хором. А вы, товарищ, т.-е. господин полицейский, — спокойнее! Кушайте свою грушу! И как можно меньше движений. Ваше от вас не уйдет. Так. Взмах ресниц. Кривая усмешка хищных полицейских губ.

— Уолл. Мне все известно. Вы из России. Уолл. Но я не знаю никакой России. Я знаю Америку. Уолл, уэк. Я вижу вас насквозь. Кто ваши сообщники? Ага, вы молчите. Ага. Уэк!

Ну, чем не Америка? Особенно, если повесить на дверях павильона доску:

„Здесь помещается Оф Америка“.

Что еще нужно для пестрой, как попугай, глянцевой по-старому наивной этикетки?

Л. МИТНИЦКИЙ

КРОКОДИЛ

Москва. Апрель 1933 г.

№ 12

Изд-во ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

ЗАКОН ВЬТЕСНЕНИЯ

Рис. Н. Ротова (Тема Я. Бельского).

Военно-морские силы в Тихом океане непрерывно растут. (Из газет)

ОСТРОВИТАНЕ: — Еще один дредноут, — и наш остров совсем уйдет под воду...

У меня над столом висят два портрета —
Горький и Гете.
Внизу, возле Гете, лежат газеты.

Ночь.
В табачном дыму дремлю, как в дурмане, я.
Перед глазами кровавые лица...
Свастика... Слезы... Стои... Германия...
Словом не спится.

Чтение газет натянуло нервы.
Колышется черных теней рой.
В образе Геринга — Марков второй.
В образе Маркова — Гитлер первый...

Рваные раны в боку, в перине.
Череп ребенка.
В черепе лом...
Точно, как при Николае втором,
В центре Европы,
в фашистском Берлине —
Еврейский погром...

Медленно близится ночь к рассвету,
Гляжу на профиль Гете в тени.
Но что это?

Гете,
чопорный Гете,
Сгорбился Гете (возможно ли это?),
Гете совсем головою поник.

И, закрывая лицо, неожиданно
Горькому
Гете

С портрета

Сказал:

— Я не могу... Мне, как немцу, стыдно

Стало смотреть вам в глаза...

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ ГОСПОДИНУ ГЕРИНГУ

Движимый пылкими контрреволюционными чувствами, кои вот уже скоро шестнадцать лет безуспешно пытаюсь скрыть, повергнутый в живейшее умиление неуклонностью и решительностью политики вашей, Господин бывший Председатель Германской Думы, а ныне Господин Министр Внутренних Дел Штабс-Капитан Селедка*), обращаюсь к Вам с почтительнейшим письмом моим.

Однако, прежде нежели изложить суть моего письма, разрешите, Господин Штабс-Капитан, попенять на Вас за опрометчивое Ваше выражение, в сторону Держав сделанное, а именно: „Мы будем говорить по-немецки, т.-е. решительно!“ Неужели ж позабыты или недостаточно решительными почитаются слова его Превосходительства Генерал-Майора Трепова, любезнейшего сына Российской Империи, которыми он на требования рабочих отвечивал, а именно, оборотясь к городскому, воскликнул: „Патронов не жалеть!“ Можете ли Вы говорить решительно, не прибегая к этой исторической фразе? И потому разве не следовало по справедливости Вам сказать: „Мы будем говорить решительно, т.-е. как истинно-русский генерал-майор?“

Но возвращаясь к сути моего письма.

С большим сердцбиением прочитая на этих днях в „Известиях“ статейку здешнего нигилиста Карла Радека, который, открыто злорадствуя, пишет дословно нижеследующее:

... „Решающим окажется время, а время работает не на фашистов, а на коммунистическую партию“ („Известия“, номер от 7 марта).

Потрясенный этим признанием, я долго и безрезультатно обдумывал меры противодействия, пока не припомнился мне один пророческий сон...

Таковым следует почитать сон Господина Губернского Советника Эрнеста Теодора Амадзуса Гофмана, в досужее время литературой занимавшегося, который в дневнике своем**) изволил записать его дословно:

... „Сон. Полиция снимает часы с башен и конфискует все часы в городе, ибо время объявлено подлежащим конфискации. Но полиция не думала, что она сама существует только во времени“...“

Я твердо уповаю, что Вы, по обыкновению, не размышляя, прикажете данный сон, осуществить, а именно, конфисковать все часы, а равно и другие приборы, для исчисления времени служащие, поломать их и отправить на кузницу. Особенно обращаю Ваше внимание на тлетворное влияние как отрывных, так и табель-календарей, кои должны быть причислены к зловреднейшим орудиям антиправительственной агитации и подлежат немедленному уничтожению путем облов и повальных обысков**). Очень рекомендую также, по проведению сих предварительных мероприятий, останавливать на улице трохожих и, будто бы запаятовав, спрашивать, какой нынче день недели или какое число и месяц, и ежели спрашиваемый ответит „среда“ или „пятница“ или „осмнадцатое число февраля“, то хватать его и тащить на с'езжую, где и сечь до полной потери памяти.

Однако, как я мог наблюдать в бытность свою Обер-полицеймейстером города Глупова, существует у обывателей злонамеренное обыкновение при отсутствии часов и табельных календарей исчисление времени производить по градоначальническим установлениям. Так говорят они, например, что солдатские жены бунтовали накануне издания устава о неуклонном сечении. А посему, дабы и эту опасность в корне пресечь, почтительно рекомендую Вам и впредь никаких декретов не опубликовывать, ограничиваясь одним неукоснительным пресечением в корне.

Остаток всегда готовый к услугам —

Бывший Обер-полицеймейстер
города Глупова

Тамбур-Мажор.

Подпись неразборчива.

В. ЛУКАШЕВИЧ

*) Не посетуйте на старца, что басурманское Ваше имя Геринг перевожу на отечественный язык.

**) Изданы госпожой советницей Гофман после смерти супруга в 1839 году в городе Штутгарте.

*) Как будто полиция думать, а не подчиняться надлежит!

**) На возражение будто без табель-календаря затруднительно станет определять двенадцатые и царские дни, отвечаю, что для господ дворян, купцов и фабрикантов все дни надлежит почитать двенадцатыми.

ИВАН ИВАНОВИЧ ПРОСНУЛСЯ

О, подражатели! Стадо работ!
(Гораций — Послания)

Он взял карандаш и посмотрел на тонкий, как жало, кончик. Потом подошел к окну и поднял штору. И наконец опустил глаза на мраморный лист бумаги и написал:

„Иван Иванович проснулся“.

Пишущая машина — сорок семь кругленьких клавишей смотрели на него из пространства, как зубы в отверстой пасти. За этими клавишами мерцали другие, — клавиши наборной машины — и за теми сложная пуганица валов и зубчатых колес ротационной машины. Машины алчно смотрели на рукопись, машины бездействовали, они насторожились и ждали. Но Никита Саврасов не торопился. Он поднял глаза от листа бумаги. „Иван Иванович проснулся“, — прочитал он негромко и задумался и оглянулся. За спинкой кресла стояли американские, как их называют, книжные полки и органоподобный книжный шкаф. В шкафу и на полках отсвечивали кожаные корешки книг.

— „Иван Иванович проснулся“, — повторил вслух Никита Саврасов и потянулся за карандашом.

— Слушайте, — вдруг сказал ему скворец, вернее чучело скворца, — слушайте меня, гражданин Саврасов. Второй год я живу у вас на шкафу.

Никита Саврасов не удивился. Он был русский писатель и, главным образом, читатель. Он читал сказки и в детстве читал Андерсена и Афанасьева и Вагнера — Кота Мурлыку. Он хорошо знал, что набитый паклей скворец в его квартире есть не простой скворец, а в некотором роде символ. Синтез и символ.

— Слушайте, гражданин Никита Саврасов, член профсоюза и писатель. Выслушайте меня, старого скворца, набитого паклей и тронутого молью, купленного вами на аукционе в квартире лишенца протоиерея Боголюбова в 1929 году.

Сказав это, скворец умолк на мгновение, собираясь с мыслями. — Ага, — заметил Никита Иванович Саврасов, — ну что ж, говорите, послушаем вас. Дискуссия о творческом методе? Или просто „Как мы пишем?“ Задавайте вопросы. Мне что-то не пишется сегодня. Я могу поболтать. Я вам расскажу, например, о том, как я работаю. Процесс моего творчества имеет своеобразные извилины и корни. Например, вчера я искал моего героя в одной зубоврачебной амбулатории. Комплекс разных ощущений — запахи, стуки, вкусовая гамма. Я иду своими путями. Мое мироощущение — особая вещь. Я, например, могу писать только на особенной бумаге. Я люблю плоды на столе. И чтобы слегка жужжали мухи. Об этом стоит писать и много писать.

Саврасов поднял со стола лист бумаги и показал скворцу: — И вот здесь, в четырех стенах, в результате сложнейшего комплекса, родилось начало: „Иван Иванович проснулся“. Просто и глубоко. Я беру моего читателя за плечо и ввожу его в жизнь Ивана Ивановича. Пофилософствуем...

— Хорошо, — вдруг заговорил скворец, — „проснулся“. Вы изволили сказать: „Иван Иванович проснулся“. Хорошо. Вы не будете в претензии на меня, если я вам перечислю, скорее просто напомним, одного, двух и трех Иванов Ивановичей... Представьте, они просыпались...

— Я вас не совсем понимаю, — значительно и нисколько не торопясь, произнес Саврасов, — что вы хотите этим сказать?

В полоборота, не скрывая удивления, он посмотрел на шкаф. Чучело скворца увеличилось в его глазах. Размером и оперением, а главное распростертыми крыльями, скворец походил на ястреба.

— Вспомним, — продолжал странный скворец, — вспомним Гончарова. „...на Гороховой улице, в одном из больших домов“ проснулся Илья Ильич Обломов. У Льва Николаевича Толстого вы прочитали о проснувшемся князе Нехлюдове. В „Анне Карениной“ просыпается Стива Облонский. Наконец у Гоголя просыпается именно Иван Иванович... Какие великолепные пробуждения. Вы скажете литературная традиция, преемственность... Над чем вы работаете? — с подозрительной почтительностью вдруг спросил скворец. — Как вы работаете? Не отсылайте меня к книжке „Как мы пишем“. Покажите мне вашу кухню, посвятите меня в вашу поваренную книгу, дорогая Елена Малаховец. Вот я вижу на вашем столе четыре выписки, две вырезки из газеты „За индустриализацию“ и пять книг наших дорогих классиков, и закладки выпирают из них густой бумажной лапшой. Наконец тощая брошюрка Гостехиздата для полного овладения материалом. Четыре цитаты из почтенных марксистских трудов вы располагаете, как четыре поплавка, вы удираетесь в эти полавки ногами и руками и пускаетесь в мертвое море прозы. От завязки к развязке, от листа к листу вы переплываете это тихое море. Одинокие паруса газетных страниц легко обгоняют вас, факты плещутся в ваши уши, но вы заткнули их вермишелью из своих записных книжек, вы странствуете на четырех поплавках от страницы к странице, пока девятый вал не разбросает поплавок, и вы пойдете ко дну и в губах ваших застрянет непрожеванная судьба Ивана Ивановича...

Скворец вдруг затих, и Никите Саврасову почудилось зеленое адское пламя. Адское пламя било из бисерных глазок чучела.

— О, эта убогая кухня, — снова заговорил скворец на шкафу. — Оказывается, попрежнему надо мелко истолочь в ступке описания рассветов и закатов, затем замесить вязкое тесто диалогов, монологов и размышлений героев, посыпать перцем разделенной или неразделенной...

ленной любви и все перемешать с производственными терминами из брошюры Гостехиздата... И читатель пробует на зуб вашу убогую стряпню, она скрипит на зубах, — это суррогат хлеба хлеб, перемешанный с песком и мякиной и чорт знает с чем.

— Замолчите! — вскричал Никита Саврасов. — Чучело гороховое! — переходя на убийственный шопот, прошипел Никита Саврасов. — Что вы понимаете?.. Что вы понимаете, и кто дал вам право, жалкий скворец. Ваше отношение к литературе после 23 апреля 1932 года? Кто вы, сударь? Критик или ответственный сотрудник издательства? Может быть, вы просто читатель? Я не знаю вас, молодой человек... или, вернее, гражданин. Ага, вы молчите.

— Я вам отвечу, — рассудительно возразил скворец. — Я отвечу вам. В 1928 году меня подстрелил на охоте известный вам писатель Пришвин. Правду сказать, он принял меня за дичь. Из этой дичи, если вам угодно, он сделал девять печатных листов. Чего вам еще надо.

— Интересно, — подумав, сказал Саврасов, — достойно внимания. Я так и думал, что в доме писателя Саврасова не может быть скворца, как скворец. Скворец в себе, просто птица. Оказывается, вы — литературная птица. В чем же вы меня обвиняете товарищ?

— Я обвиняю вас, во-первых, в том, что из шести томов вашего собрания сочинений, в шестидесяти двух рассказах, восьми повестях и трех романах вы не найдете одной строки, написанной именно вами. Я обвиняю вас в том, что ваши образы и приемы, ваши эпитеты, главные и придаточные, есть копия с копии почтенного и старого оригинала. Мне отвратительна ваша литературная кухня и вы, литературный повар, грациозно располагающий диалоги в гарнире лирических отступлений и описаний природы. Но еще более мне противны ваши критики, жуящие и пережевывающие подогретые вами котлеты, остатки с барского, вылизанного до крошки стола... „Иван Иванович проснулся...“

— Молчите, презренный хулигатель. Вы говорите „Иван Иванович“. Откуда вы знаете, кто мой Иван Иванович? Может быть, он профессор? Может быть, он красный директор. Старый большевик? Или, наоборот, выдвигенец, втянутый в революцию. Или активист. Или, наконец, ударник. Я думал, я полагал, я предполагал, — многозначительно сказал Саврасов и взял в руки тонкий и остро отточенный карандаш, — я полагал продолжать так: „Иван Иванович проснулся...“ Дальше у меня такой штрих..

— Куртка? Кожаная куртка на гвозде? Блик солнца?

— Он же — красный директор.

— Если красный директор, — тогда на некрашеном столе — сметы балансы и английский словарь. Недопитый стакан чаю.

— Но штрих! — в отчаянии простонал Саврасов. — Деталь, ведь деталь же, со знайся.

— Послушайте, — с некоторой жалостью начал скворец. — В Первом госцирке показывали ученую обезьяну. Ее выводили в человеческом плаще, в крахмальном воротничке и при галстук. Ее выводил вежливый молодой человек, и оба усаживались за стол. Молодой человек ужинал, пил минеральную воду, платил по счету. Обезьяна ужинала, пила воду и платила по счету. Она повторяла движения человека, она умела обращаться с ножами и вилками и спичками. Она даже курила сигару. Но... Тут есть „но“... Однажды обезьяна вырвалась и по канату удра под самый купол. Она сорвала с себя галстук и с'ела воротничок. Она запустила лакированным ботинком в вежливого молодого человека. Она чесалась и ловила на себе блох. Она разорвала на себе сорочку, сняла с себя брюки и разгрызла зубами пуговицы. Все. Вот и все. Вы меня поняли?

— Нет, я вас не понял.

— Из вас, может быть, выйдет честный кассир и внимательный конторщик. В купол, гражданин Саврасов. В купол!

— Будь ты проклят! — сказал Никита Саврасов и заплакал.

Он просыпался дважды среди ночи. Кулаки его были сжаты, на лбу выступал пот.

— Опять сорвал работу, подлец! Просто хам и завистник!

И Саврасов жаждал мести, он мечтал, как утром он выщиплет из скворца перо за пером и выковыряет бусинки глаз, и вспорет ножницами брюхо, и бросит скворца в унитаз, и дважды спустит воду.

Они ненавидели друг друга. Время академических споров и вежливых доводов прошло, и Саврасов отступал, загнанный торжествующим, злобствующим врагом. Трепетали и хлопали крылья, адским огнем пылали бусинки глаз, и Никите Саврасову показалось, что хищная птица — кондор, гриф, стервятник — сидит на карнизе книжного шкафа, царапает когтями сердце и терзает клювом печенье Саврасова.

— Прометей! — с последней надеждой сказал Саврасов.

— Наглость! — заорал скворец. — Это уже просто наглость, не кошунствуй!

— Не смей! — задыхаясь прохрипел Саврасов. — Не искушай, дьявол! Пить буду! Я — такой!.. Мы все такие... У меня кризис. Еще струю. Осторожно со мной! Я все могу! Пить буду!

— Это из чужой биографии, — выкрикнул скворец, — все равно обезьяна!

— Все равно, — тихо повторил Саврасов и дико посмотрел на скворца. Левая рука пошарила за спиной и нащупала чугунное пресс-папье.

— В купол, пожалуйста-с в купол! — ликуя орал скворец.

Пресс-папье ударило птицу. Черные необъятные крылья закрыли потолок и небо и солнце. Никто так и не понял, что произошло. Акты следствия глухо говорили о случившемся. И вряд ли можно найти правдоподобное объяснение тому обстоятельству, что органоподобный книжный шкаф вдруг накренился, и все четырехэтажные томов в коленкорных переплетах рухнули вниз и погребли под собой писателя Никиту Саврасова. Острый угол одного переплета (если не ошибаюсь, это был второй том „Литературной энциклопедии“) ударил в самую маковку писателя Никиты Саврасова, прошиб ему черепную коробку и убил на месте. Так утверждает автор этой странной истории. Однако с несомненностью можно утверждать только одно: на этот раз Иван Иванович не проснулся.

Л. НИКУЛИН

Рис. Л. Генча (гума А. Бухова)

— Не допустим расклейки антиправительственных плакатов!

ДРУГОЕ ДЕЛО

Заведующий цехом не на шутку рассердился, когда я спросил — проработал ли он все решения последнего январского пленума Центрального комитета партии.

— Ты что думаешь, — я не коммунист?

Я улыбнулся.

— Ничего не думаю. Откуда такая подозрительность? Просто хочу узнать, как партийный актив усваивает решения партии.

Завцехом облегченно вздохнул, улыбнулся, но все еще какой-то подозрительной улыбкой.

— Стало быть, тебя форма проработки интересует? Так сказать, обмен опытом. Понимаю.

— Предположим...

— Так слушай. Все доклады, все речи и резолюции, во-первых, прочел сам в газете...

— Все?

— Все. Затем на общегородской конференции прослушал доклад об итогах пленума очень внимательно...

— Внимательно?

— Конечно, внимательно. И даже сам выступал в прениях. На закрытом собрании партийной ячейки выступил с развернутым докладом, в котором конкретно осветил все очередные задачи...

— Конкретно?

— Именно конкретно. И наконец, вновь все детально проработал на кружке по повышению марксистско-ленинского уровня партийцев. Активно участвовал в разработке.

— Активно?

— Безусловно активно.

— Значит, все решения партии знаешь?

— Как свои пять пальцев. Почти что наизусть.

— Ну, а про это что скажешь?

И я взял из груди и протянул ему калашу (одну из многих выпускаемых его цехом), на подошве которой зияла огромная дыра заводского происхождения. На второй и на третьей зияли такие же почти стандартные дыры.

— Это что ж? — искренне удивился директор, — это ж к качеству продукции относится. Давай не путать...

Вдруг замолчал. Посмотрел подозрительно. И добавил:

— Так ты по качеству продукции обследуешь. А я думал из райкома по поводу проработки решений пленума...

А. ЛЕЙБМАН

— За что же ему не дали паспорта?
— За веру, царя и отечество.

ПРИСПОСОБЛЕНЕЦ

Рак от рождения ретроград —
Маршировать назад он рад.
Неоднократно в сотнях басен
Изображали рачью прыть.
Но... если рака обварить?
Он, говорят, вареный — красен?!

Ах, несмотря на красный цвет,
Радикализма в раке нет

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

БАРБОС

В былые дни Барбосу весело жилось:
Но видя, что хозяин раскулачен,
А рядом сколотившийся колхоз
Нуждается в труде сабачьем,
Барбос, потупив скромно взор,
Стал сторожить колхозный двор.

Вот село солнышко. Спустилась ночь
глухая.

Барбос вокруг домов нес песий караул.
И видит — к хлебному сараю
Хозяин прежний юрко повернул.
Сконфузился Барбос: тут надо б гарк-
нуть „воры“,

А он вступил в переговоры,
Скулил, жестикулировал хвостом,
Свивал его в кольцо, корежил в заковычку,
Хозяин же спокойно чиркнул спичку,
Поджег сарай и скрылся за углом.

Смысл нашей басни очень прост:
Псу кулака не доверяй высокий пост.

В. ПАВЛОВ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОМКИ

Вы помните, наверно, жалкую и обычно самую трусливую фигуру, стоявшую „на-стреме“. Сейчас быть на-стреме — куда сложнее и ответственнее! Не в темном переулке, не за водосточной трубой, а на самом бойком и политически людном месте пытается выбрать себе пост новый „стремщик“.

Очень удобно, например, стоять на-стреме в качестве управделами Урюпинского райкома ВКП (Нижняя Волга), как это делает „коммунистка“ Регуш. Особенно, если в это время на Урюпинском консервном заводе работает воровская рука родной сестры Регуш — заместителя директора этого завода. Под шумок начинает действовать усовершенствованная „политическая“ фомка:

„Директору консервного завода
Для проведения пленума райкома отпустите полтонны муки за наличный расчет.
Управделами РК ВКП РЕГУШ“.

Резолюция директора — „отпустить“

В тот же день, по записке той же Регуш, из лесхоза для питания пленума получена еще одна тонна пшеничной муки. Итого — 90 пудов. Пленум продолжался два дня при участии около 45 человек. По пуду муки на делегата в день!

Такому аппетиту мог бы удивиться даже мифический Гаргантюа из романа Рабле, если бы...

Если бы мука действительно пошла по назначению!

Но в делах Урюпинского консервного завода фигурируют и совсем курьезные документы:

„Требование № 424
Отпустить партактиву райкома ВКП: рубашек 1 штука — 2 р. 60 к.,
панталон женских 1 штука — 2 руб“.

Конечно, панталоны понадобились чересчур активной Регуш.

Вообще говоря, счастливиц этот урюпинский партактив! При неусыпных заботах управделами он то и дело самоснабжается. По талону № 423 партактиву выписано с консервного завода 19 брюк, 24 рубашки и белье, по талону № 418 — 100 банок мясных консервов высшего сорта.

Интересен и такой вопрос: консервное производство как будто ни в каком родстве с трикотажем не состоит. Откуда на складах завода появился этот изящный „ширпотреб“ до дамских панталон включительно?

Некоторый свет на этот вопрос проливает акт приемки заводом изделий Крымшвейпрома (!). По накладной значится: костюмов бумажных — 100, оказалось — 0, брюк — 185, в наличии — 16, рубашек верхних — 166, оказалось 154 и т. д.

Не вдаваясь в подробности, кем и где раскрадены эти вещи, совершенно очевидно, что такой универмаг мог быть получен только в обмен на консервы.

Мы ни на минуту не сомневаемся, что имя партактива здесь использовано только для ширмы, за которой кое-кому удобно заниматься не совсем скромным „дамским туалетом“.

И после этого можно с большим доверием отнестись к непроверенным еще сведениям о том, что мужья обеих Регуш верой и правдой служили когда-то в белом колчаковском воинстве.

Следы всякого вора ведут туда!

П. МАЙСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФРАЗЫ.

НЕУМЕСТНЫЙ ОТВЕТ

**Жилец, засеб на два часа
В уют общественного места,
Сквозь дверь услышал голоса
Общегражданского протеста,
Но, игнорируя протест,
Отвечил:
— J'y suis! J'y restel**

**Ах, исторического такта
Нет иногда у членов жакета!**

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

**Раз некий юноша, решивши застрелиться,
В последний раз взглянул на бывший божий свет,
Увидел солнышко и говорит:
— О, нет!
Мне светит солнце Аустерлица!..**

**День, впрямь, был солнечный весьма,
Но — Аустерлиц был... Чухлома!
ЭМИЛЬ КРОТКИЙ.**

ДМИТРОВСКИЕ ЗАВЫ

Дмитров (Московской области) город старинный. Даже крепость имеется. А в крепости той заключен собор. Маковки с собора сбиты, а на самой большой луковнице водружен красный флаг.

Особых достопримечательностей нет, но имеются, как полагается, райзо, райплан, рик в которых опытный глаз достопримечательности все-таки отыщет.

В небольших комнатах приземистого зданца непрестанно толчется народ. Тут и преды и сельсоветчики, тут и вычищенный из колхоза, потрясающий килограммами справок о том, что он хоть и торговал, но лавка была небольшая, всего на один раствор.

Обивают пороги райзо колхозные лодыри, исключенные за пьянку и за прочие художества.

В каждом учреждении имеются завы и замы и машинистки.

Кресла в райзо, надо прямо сказать, средние. Табуретки. А ежели попадетса стул, то обязательно инвалид самой последней группы.

Однако у этих „кресел“ чрезвычайно притягательные свойства. Никак от них работники райзо отлипнуть не могут. Предпочитают, чтобы к ним ездили, и сидят.

— Мы, — говорят, — периферию и так знаем. Действительно. Знают, например, что дороги плохие, ездить неудобно. Это они знают. А вот ежели представители восьми московских предприятий дожидались несколько дней, пока им точки для работы дадут, это как? Частность?

А ежели представителям этим дали, наконец, по четыре точки, отстоящие друг от друга километров на 15,— это как? Это знание района?

И приходится подумать, что в хромоногих райзовских „креслах“ восседает не кто иной, как... ну, как их там... с полями такими... на голове их носят...

С. ДОРОФЕЕВ

ВИТАЛИЮ ЛАЗАРЕНКО

(К 35-летию работы в цирке)

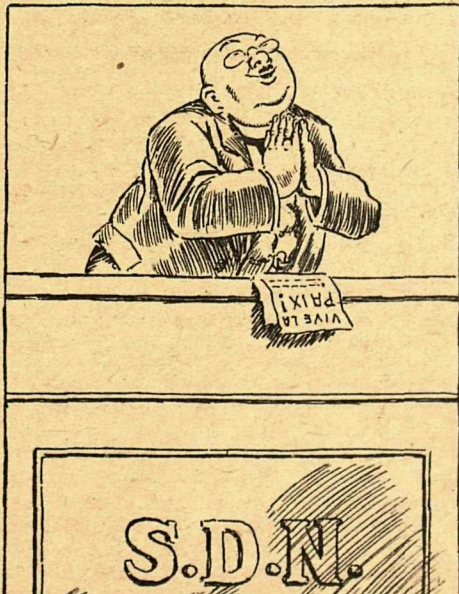

**Шахтерский сын и пролетарий,
Прыгун и мастер цирковой,
Неунывающий Виталий, —
Мне близок труд и праздник твой.
Я подхожу к тебе, как к другу:
Твой смех — до массы доходил.
Шута заслуженного руну
Жмет крепкой лапой
„КРОКОДИЛ“.**

СТРАНИЧКА ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

ГЕРМАНСКИЕ ВЫБОРЫ

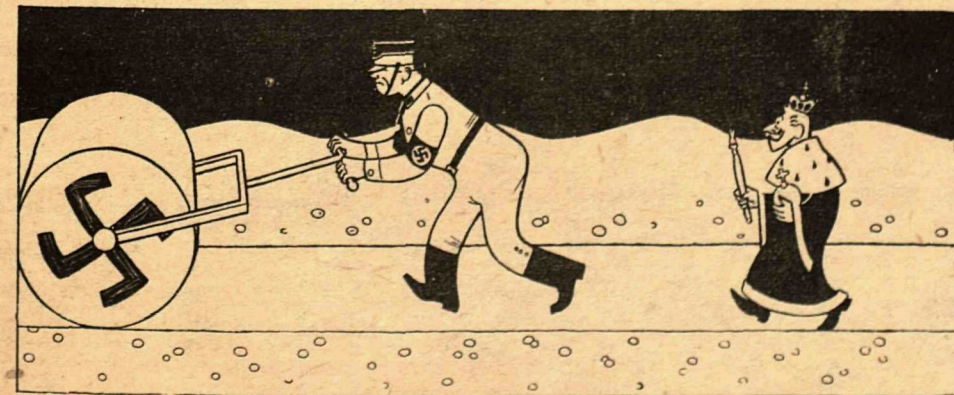
КАРНАВАЛ

Когда он в маске...

И когда он снимает маску („Le Rire“)

Хорошо итти по проторенной дорожке („Der Wahre Jacob“)

„Входите, любезный. Если вы будете правильно голосовать, с вами ничего не случится“ („Die Ente“)

— Выбери: или список Гитлера... или дубинку!
— Гм...—спаси!
 („Le Rire“)

Рис. Л. Бродаты (тема М. Глушкова)

— Укажи мне границы Японии.
— Я еще не читала сегодняшних газет.

ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА

Мне нравятся веселые люди. Нравятся сияющие глаза, звонкий смех, громкий говор, крики.

Мне нравятся румяные девушки с коньками в руках. Или такие, знаете, в майках, в спортивных туфельках, прыгающие вверх и вниз.

Я чего-то разлюбил эту самую поэзию, где грусть и печаль, и разные вздохи, и разные тому подобные меланхоличные восклицания вроде: о, эх, ну, чу, боже мой и так далее.

Мне даже смешновато делается, когда хвалят что-нибудь грустное или, например, говорят при виде какой-нибудь женщины:

— Ах, у нее, знаете, такие прекрасные грустные глаза. И такое печальное личико.

Я при этом думаю:

„За что ж тут хвалить. Напротив, надо сочувствовать и надо вести названную особу на медицинский пункт, чтоб выяснить, какие болезни подтачивают ее слабый организм и почему у нее сделались печальные глаза“.

Нет, у человека очень странная психика. Помилуйте, восхищаться грустными вещами. Восторгаться печальными фактами.

Вот прежние интеллигенты и вообще, знаете, старая Россия как раз особенно имела такой восторг ко всему печальному. И находила чего-то в этом возвышенное.

Как у Пушкина сказано. Не помню только, как там строчки расположены. Нынешняя поэзия меня в этом смысле прямо сбивала с толку. Одним словом, сказано:

„...От ямщика
До первого поэта
Мы все поем уныло.
Печалию согрета
Гармония
И наших
Дев
И муз“.

Очень жаль. И гордиться, так сказать, этим не приходится. Нынче мы желаем развенчать эту грусть. Мы желаем, так сказать, скинуть ее с возвышенного пьедестала.

У которых печальные глаза — разойдитесь, чтоб вас не задавило.

А как-то, знаете, однажды зашел ко мне в гости мой приятель. Ну, мы с ним на „ты“. Вообще, со школьной скамьи. Делимся новостями. И друг у друга в долг занимаем.

Вот он приходит ко мне и говорит, что он влюбился до потери сознания и вскоре женится.

И тут же начинает безмерно расхваливать предмет своей любви.

— Такая, говорит, она красоточка, такие у нее грустные глазки, что таких я в жизни никогда не видал. И эти, говорит, глазки такой, как бы сказать, колорит дают, что из хорошенькой она делается премированная красавица. Личико у нее нельзя сказать, что интересное, и носик немножко подгулял, и бровей почти нету, но эти грустные глаза с избытком прикрывают все недостатки и делают ее из дурнушки ничего себе. Я, говорит, ее и полюбил-то за эти самые глаза.

— Ну и дурак, — говорю я ему. — Выходит, что ты дурак. Прошляпился со своей женщиной. Раз у нее грустные глаза, значит, у нее внутренняя секреция не в порядке, либо она истеричка, либо почками страдает. Ты, говорю, возьми да порасспроси ее хорошенько. Или поведи к врачу, посоветуйся.

Ох, тут он очень возмутился, начал швыряться вещами, кричать и срать меня за излишнюю склонность к бездушному материализму.

— Я, говорит, жалею, что к тебе зашел. У меня такое было поэтическое настроение, а ты своими грубыми руками загрязнил мое чувство.

Стал он прощаться и уходить.

Я пытался ему рассказать, как я однажды встретил в Кисловодске одного носильщика с такими грустными глазами, что можно обалдеть. И при расспросе оказалось, что у него было ущемление грыжи. И теперь он должен бросить свою профессию.

Однако приятель не стал до конца слушать и, обидевшись еще сильнее за нетактичные параллели и сравнения, холодно подал мне руку и при этом бормотал разные оскорбительные слова: дескать, ты чорта лысого понимаешь в поэзии, сам прошляпил красоту в жизни.

Вот проходит что-то около полгода. Я позабываю эту историю. Но вдруг однажды встречаю своего приятеля на улице.

Он идет с расстроенным лицом и хочет не заметить меня.

Я подхожу к нему и спрашиваю, что случилось.

— Да так, говорит, разные неприятности. У жены легочный процесс. Не знаю, на ю мне ее везти или в санаторию положить.

Я говорю:

— Ну, ничего, поправится. Но, конечно, говорю, если поправится, то не будет иметь такие грустные глаза, как тебе хотелось бы.

Он усмехнулся, махнул рукой, дескать, — отвяжись.

Я прощаюсь с ним и иду по своим делам. И сочувственно гляжу на тех прохожих, у кого грустные глаза. Надо лечиться.

МИХ. ЗОЩЕНКО

ПО КОЛХОЗНОЙ РАСЦЕНКЕ

(Халтурмейстеру)

Ты написал три скетча в прозе
Об удобреньи и навозе
И сто частушек про коня.
Будь счетоводом я в колхозе, —
За весь твой труд в стихах и прозе
Я не дал бы и трудовня!

В. Н.

Ответственный редактор М. МАНУЛЬСКИЙ

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час.

Подписная цена на журн.—90 к. в м.

Подписка принимается только почтой

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 358.

Сдача текста и рисунков—2/IV.

Подпись к печати — 10/IV.

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 117.500

Уполномоченный Главлита № В — 45189

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суцеский вал, 49.

Зак. № 720. Тираж 210.000.

Оформлено Л. Бродаты. Журнал набран и отпечатан на 2-й тип. изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фотохемик — П. Мягков. Редакция под руководством Г. Жигеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Зав. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.